

ной науки, оказалась записана и опубликована. Борис Анатольевич был и очень внимательным слушателем, умеющим достаточно быстро разобраться в том, насколько компетентен его собеседник в предмете разговора. Ощущение движения времени он чувствовал очень отчетливо. Это проявлялось во всем, в том числе и в его отношении к историографии, в которой он видел не просто перечень опубликованных работ, а движение научной мысли. Он умел помнить и воздавать должное людям, которые оставили свой след в науке.

После ухода из жизни Литвинского нам, вероятно, предстоит подвести определенные итоги в истории отечественной археологии Средней Азии, осознать ответственность, лежащую на нас как на продолжателях традиции отечественного востоковедения и археологии, и продолжить работать, сожалея, что у нас нет такой работоспособности и нет такой памяти и что нам уже не доведется услышать компетентное мнение Бориса Анатольевича по поводу наших исследований.

© 2011 г.

Е. В. Антонова

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ: СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ

В статье предпринимается попытка анализа трансформации представлений об образе мира носителей анауской культуры (энеолит – эпоха ранней и средней бронзы) и «цивилизации Окса» (эпоха поздней бронзы). Источниками послужили орнаментальные мотивы, скульптура, глиптика. Сочетание синхронного и диахронного анализа позволяет выяснить семантику ряда знаков, изменение плана их выражения и плана содержания.

Ключевые слова: методы дешифровки, семиотика, архаические и традиционные культуры, синхрония и диахрония, анауская культура, цивилизация Окса, образ мира, мифологические персонажи.

Автору этой статьи посчастливилось без малого 40 лет работать с Борисом Анатольевичем Литвинским. Он был археологом в самом широком смысле: раскопки, обнаружение новых памятников древности было для него важным моментом в исследовательском цикле. Но за этим следовала интерпретация найденного. Внимательнейшим образом он относился к методам раскопок, поскольку без этого не могли быть получены полные и достоверные сведения, но не менее важными были кабинетные исследования, извлечение содержащейся в находках исторической информации. Особенно придирчиво вплоть до недоверчивости он относился к реконструкциям значения и смысла остатков культур допись-

менной древности, поскольку степень их предположительности особенно велика. Его огорчала неокончателность предлагаемых реконструкций. В самом деле, не только исследователь, о котором шла речь, но и другие могли построить по видимости не менее убедительные цепочки аргументов и получить иные результаты. Что можно было на это возразить? Он кивал головой в ответ на слова Ю.М. Лотмана: «Слово “понимание” коварно. Невольно навязывается представление, что это однократный, исчерпывающий акт: понимание представляется как окончательное и безусловное знание. В действительности это путь в бесконечность. Честность заключается в том, чтобы указать степень и направление приближения. Понимание можно представить себе как сеть истолкований и переводов разной степени приближенности»¹. Оставалось надеяться, что ссылка на уважаемый им авторитет была достаточно убедительной.

Его критичность, всегда доброжелательная, служила важным стимулом четко определять процедуру поисков значений «для нас» и смыслов для создателей невербальных памятников древности. Нередко это делалось и делается на основе интуиции, что явно недостаточно. Его интересовали новые методы исследований, ставшие особенно актуальными в гуманитарных науках в XX веке, широко – в его середине. Среди прочих Бориса Анатольевича привлекали системно-структурные исследования и семиотический подход.

Работая над статьей, я находилась в мысленном диалоге с Борисом Анатольевичем, вспоминая прежние беседы и его вдохновляющие труды. Предпринимаемые мною многочисленные попытки дешифровки визуальных знаков раннеземледельческих культур вызывали потребность обосновывать принципы исследования. Особенно важным это оказалось при изучении памятников энеолита и бронзового века, бытовавших на значительной части Центральной (Средней) Азии. Они принадлежат анауской культуре и более поздней «цивилизации Окса», Бактрийско-маргианскому археологическому комплексу (БМАК). Поэтому в этой статье представляется целесообразным предварить рассмотрение собственно археологического материала вводным разделом, в котором намечаются исходные позиции последующих исследований.

Вещи в широком смысле – от черепков и каменных отщепов до целых комплексов, например погребений и архитектурных сооружений, – поле археологов. В отличие от коллег-этнографов, изучающих культуры во всей их полноте, но ограниченных по большей части синхронной картиной, археологи постоянно имеют дело не только с синхронным, но и с диахронным срезом культуры. В этом их материал близок собственно языковому, почему так плодотворно обращение к исследованиям лингвистов и филологов. Фрагментарность археологических свидетельств компенсируется возможностями проследить изменения вещей во времени. Еще на заре становления научной археологии исследования эволюции форм вещей служили датировке, выяснению культурных контактов и т.д.

Но сейчас стало общепризнанным, что вещи принадлежат сфере не только материальной, но и духовной культуры. Особенно актуально это признание в тех ситуациях, когда объектами исследования являются создания древних бесписьменных или раннеписьменных культур, архаических или традиционных. Начав меняться с возникновением сложноструктурированных обществ, государств, они в своих низовых структурах, малых коллективах, вплоть до индустриальной эпохи сохраняли древние черты. Малая дифференцированность форм общественной жизни

¹ Лотман 1994, 389.

определяла их облик. Доминирующая форма мировосприятия образная, мифопоэтическая. Повседневное, профанное не обособлено от сакрального (собственно, такое разделение вообще неактуально или – для поздних этапов существования такого способа восприятия мира – условно).

В архаических обществах доминирует устный тип передачи информации. Здесь словесная форма сообщения не является единственной, определяющей его смысл, поскольку значительную роль играет ситуация общения и присущие ей несловесные знаки (например, жесты). Поэтому план выражения знаков может быть сокращенным, условным. В тех случаях, когда адресат не воспринимается как находящийся в непосредственном контакте, формы выражения содержания должны приобретать большую внешнюю выразительность: план содержания знаков становится более развернутым. Условные и символические знаки могут становиться – благоприятная для современного исследователя ситуация – иконическими, т.е. теми, которые передают реальные образы, животных, растений, каких-то действий и т.д. Такие «развернутые» знаки создаются для ситуаций общения «своего» и «чужого» миров, мира человеческого и внечеловеческого, в перспективе – естественного и сверхъестественного.

В культурах такого типа средством регулирования поведения коллектива и отдельного человека, его неотъемлемой части, по словам А.К. Байбурина, был «ритуал – единственное и универсальное средство не только восстановления гармонии, но и проверки (контроля) соответствия всего многообразия связей тому, как это было “в первый раз”. Естественно, что решение столь сложной задачи невозможно без мобилизации всех средств выразительности, которыми располагает коллектив. Такой, по выражению В.Н. Топорова, “парад знаковых систем” в ритуале необходим для придания ему максимальной эффективности в деле установления утраченного равновесия и контроля над миром». А.К. Байбурин далее заключает, что «язык вещей», по-видимому, использовался в основном для выражения тех понятий и ценностей, которые не могли быть выражены столь же адекватно на других языках, в том числе словесном². Посредством вещей, явственным образом закрепляющих информацию в отличие от мимолетных слов и движений, устанавливался долговременный контакт с силами «чужого» мира и контроль над ними. Поэтому наиболее информативными для современного исследователя являются вещи, обнаруживаемые в ритуальных контекстах.

Культура архаического типа бытует по тем же законам, что естественный язык. Ее создателем и носителем является социум. Индивидуальное начало не выделено. Отдельная ситуация осмысливается через всеобщее. Вопрос о том, что думал создатель или потребитель информации, заключенной в археологических вещах столь глубокой древности, неправомерен. Лишь в редких случаях можно предполагать, на какое *особое* явление указывает тот или иной знак, даже такой «говорящий», как погребения, когда может быть известен пол и возраст умершего, форма погребального сооружения, сопровождающий инвентарь. Еще сложнее определить семантику орнаментального мотива или антропоморфной фигурки; в этом случае информацию может предоставить весь комплекс, рассматриваемый синхронно и в хронологической перспективе, диахронно.

Таким образом оказывается, что самым доступным для интерпретации современного исследователя является уровень циркулирующих в культуре смыслов универсального плана, в конечном счете – образ мира. Из этого следует, что и

² Байбурин 1989, 83.

особенности отдельных знаков с трудом поддаются интерпретации, в то время как теоретически реконструируемый их инвариант позволяет это сделать с относительной достоверностью. Поэтому для исследования «языка вещей» этих культур представляется продуктивным обращение к таким понятиям лингвистики и психологии, как глубинный смысл, архетипы, бессознательное. Их носители – нерелексирующие люди³. Констатация этого не означает, что они не были «думающими»: для бытия в недрах такой культуры было актуальным следование священным традицией образцам, и это служило гарантией благополучного существования. Элементы нового возникали спонтанно и не осознавались как таковые, а приспособлялись к привычным.

В отличие от быстроразвивающихся обществ современного типа, архаические общества иногда именуют «холодными». Доминирование коллективного начала, относительная простота образа мира и ориентация во всех действиях на мифически окрашенные прообразы приводило к созданию формально и содержательно устойчивых и однотипных конфигураций во всех сферах культуры. Варьирование форм выражения синхронно существующих устойчивых смыслов, лишь корректировавшихся в конкретных ситуациях жизни социумов и их членов, при этом медленно меняющихся в диахронии, – все это открывает особые возможности для реконструкции содержательной стороны визуальных знаков.

В попытках реконструкции культур древности не в археологическом, а общечеловеческом смысле, особенно сфер «духовной культуры», обычно прибегают к аналогиям. Обращение к данным иных культур действительно может быть плодотворным. Однако они должны привлекаться при соблюдении целого ряда условий и не быть случайными, основанными на внешнем сходстве явлений, культурных знаков и т.д. Короче, они должны происходить из территориально, исторически и культурно близкой среды и при этом относиться к явлениям общего, а не единичного, специфического для культур определенного круга явлений. В этой статье речь пойдет о культурах оседлых земледельцев эпохи энеолита – бронзы юга Туркменистана и сопредельных районов. К счастью, они принадлежат к числу более или менее полно изученных земледельческих культур дописьменной эпохи и сформировавшихся цивилизаций. При определенном сходстве эти культуры отличались большим своеобразием, бывшим следствием многих причин – от географических до исторических. Это значит, например, что реконструировать «пантеон анаусцев» на основании образов шумерских божеств вряд ли продуктивно. Это отнюдь не означает, что известное о религиях древних государств Месопотамии или Ирана не следует иметь в виду. Дело в том, что таким сопоставлениям должен предшествовать всесторонний анализ собственно анауских материалов, всего контекста этой культуры. В первую очередь – это анализ социальной структуры, степени сложности существовавшего общества, особенностей его информационного поля и т.д.

Наиболее перспективным представляется внутренний анализ данных конкретной археологической культуры. Реконструкции синхронных состояний должны дополняться данными об их трансформации в диахронии. Холодность архаических культур допускает рассматривать как синхронные те культурные знаки, что бытовали на протяжении длительных, до нескольких сотен лет, периодов, т.е. оперировать уже существующими и принятыми в археологической науке хронологическими членениями.

³ Антонова 1984, 10–11.

Бытующие синхронно знаки устойчивы, но и в культурах такого типа в них содержатся как элементы прежнего, так и будущего состояний⁴. Диахронический анализ способствует пониманию глубинного смысла и таким образом проясняет то, что составляло сущность синхронного состояния (всего один из множества, где реализуется подобный анализ – статья Т.Я. Елизаренковой и В.Н. Топорова⁵). Однако в распоряжении археологов по разным причинам довольно редко оказываются данные, относящиеся к длительной, преемственно развивающейся культурной традиции. При этом возникает еще одна проблема. Исследуемые культуры или культура не оставались совершенно замкнутыми и самодостаточными. Различные обстоятельства заставляли их носителей вступать в разнообразные контакты, испытывать инокультурные влияния. Последние исходили как от культурно-исторически близких, так и более «продвинутых» обществ. Тем не менее на тех уровнях бытования культуры, которые интересуют нас в данной работе, они приводили не к разрушению, а к обогащению традиционных смыслов. Традиционные культуры устроены так, что их носители воспринимали лишь то, что отвечало присущим им потребностям, и явления чужих культур приспособлялись как формально, так и содержательно, к собственным.

Памятники анауской культуры обнаружены на довольно обширной территории юга Туркменистана, и территориальный и хронологический разброс полученных в них данных в пределах выделенных археологами периодов оказывается (а можно представить, каким он был в реальности) значительным. Поэтому еще раз подчеркнем: находящиеся в распоряжении исследователей материалы безусловно фрагментарны. Недавние раскопки энеолитического Илгынлы-депе, расположенного неподалеку от уже ставшего эталонным Алтын-депе, показали, насколько увеличивается объем материалов при более тщательных, чем прежде, раскопках. Будущие полевые исследования, безусловно, скорректируют и обогатят сложившиеся схемы.

Периодизация основана на стратиграфической колонке, полученной при раскопках Намазга-депе. К энеолиту относятся периоды: Намазга (далее – НМЗ) I, ранний энеолит, середина V – первая половина IV тыс. до н.э.; к среднему энеолиту – НМЗ II, вторая половина IV тыс. до н.э.; к позднему НМЗ III, конец IV – начало III тыс. до н.э. Далее следует эпоха бронзы: ранняя бронза (НМЗ IV) – это середина III тыс. до н.э.; средняя (НМЗ V) – конец III – начало II тыс. до н.э.; поздняя (НМЗ VI), II тыс. до н.э. Бактрийско-маргианский комплекс датируют концом III – первой половиной II тыс. до н.э.

Необходимо подчеркнуть, что вещественные материалы, происходящие с разных поселений даже в пределах одного периода и на довольно ограниченной территории, обладают бесконечным разнообразием. Говоря о характерных орнаментальных мотивах, типах антропоморфных фигурок, печатях-амулетах, мы неизбежно упрощаем реально существовавшую картину. Собственно, мы имеем дело с созданиями живших достаточно обособленно (хотя поддерживавших систематические отношения) обитателей деревень. Но разнообразие их созданий, что характерно для обществ интересующего нас типа, не отрицает их сущностной общности. Визуальные знаки, порождаемые ручным, а не машинным трудом, функционируют по тем же законам, что выявлены в словесных фольклорных текстах, где любой стереотип варьирует⁶.

⁴ Антонова 2010, 16.

⁵ Елизаренкова, Топоров 2002, 72–91.

⁶ Антонова, Раевский 1991, 217–218.

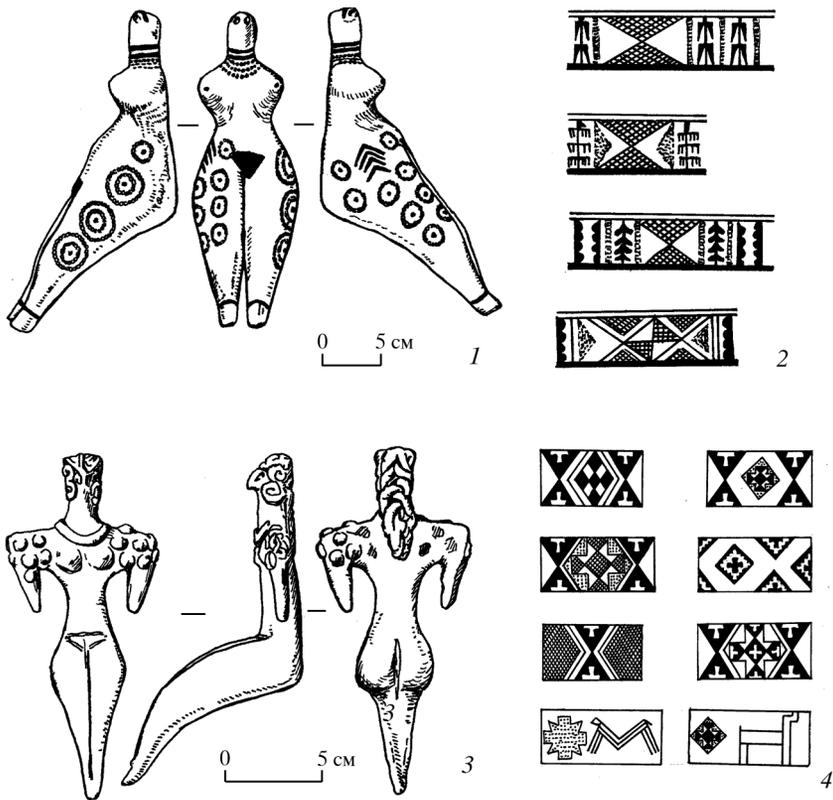

Рис. 1. Анауская культура. Скульптура и орнаменты на сосудах энеолита.
1-2 – НМЗ II; 3-4 – НМЗ III

Условные изображения – одни из наиболее информативных в силу своей распространённости культурных знаков. Орнаменты на сосудах периода Намазга I почти исключительно геометрические, группирующиеся во фризы. Характерный мотив – силуэтный треугольник, но встречаются и стилизованные растительные мотивы. Не исключено, что растения передавались и зигзагообразными линиями⁷. Редко встречаются изображения козлов.

Антропоморфная пластика этого времени известна явно недостаточно. Она представлена женскими фигурками в стоячей позе с рядами углубленных точек и прямых линий и рисованными зигзагами в нижней части (одежда? татуировка?) и рисованными же ожерельями.

Более разработана орнаментика сосудов периода Намазга II. Во фризах изображения деревьев чередуются с соприкасающимися вершинами вертикально расположенными треугольниками. Таким образом, деревья занимают центральную часть в шестиугольном пространстве, образованном двумя парами треугольников. В некоторых случаях число ветвей у деревьев сокращается до двух пар, причем изображение верхушки придает им сходство с фигурой человека (рис. 1, 2). Известны и ромбические фигуры с четырьмя «соляными» кружками по углам. По-прежнему встречаются фигуры козлов.

⁷ Антонова 1981, 10.

На статуэтках этого времени, дошедших, что представляется неслучайным, почти исключительно во фрагментах, известны некоторые изображения, встречающиеся на сосудах: козлы, «солярные» знаки в виде двойных или одинарных кружков с точками, сочетания углообразных фигур, возможно, передающие растения. Большинство фигурок, судя по их сохранности, предназначались для ритуалов, по окончании которых их специально разрушали или просто выбрасывали. Но существовали и скульптуры «долговременного пользования», вероятно помещавшиеся в специальных ритуальных местах. Такова крупная фигурка сидящей женщины, переданной условно (у нее нет рук, что не мешает выразительности фигурки), с рисованными ожерельями, рядами «солярных» мотивов на бедрах и пояснице и условным растением (рис. 1, 1).

Пик развития орнаментики анауской культуры приходится на поздний энеолит. Наиболее яркими были полихромные узоры керамики из поселений Геоксюрского оазиса. Раппорт складывался из центральной и обрамляющих фигур. Обрамляющие представляют собой две пары соприкасающихся вершинами или сближенных треугольников. Центральная фигура включает различно оформленные, в том числе со ступенчатыми сторонами, крестообразные и ромбические, при этом примечательна совмещаемость ромба и креста. В ромбе акцентируются четыре угла и центр, почему он приобретает крестообразную форму. Обрамляющие центральную фигуру пары треугольников с вписанными полукрестами в большинстве случаев не представляют собой элементов центральной крестообразной или ромбической фигуры. Таким образом, центральная фигура имеет тенденцию «обособливаться» от обрамляющих ее. Это важное обстоятельство, поскольку в данном случае мы имеем характерную для передачи образа мира трехчастную композицию с центральным – доминирующим – и подчиненными ему элементами, расположенными по сторонам (рис. 1, 4). Эта схема характерна для образа мира эпохи «мирового дерева», начавшейся с установлением оседлости и производящего хозяйства.

Раппорт мог повторяться на сосудах четыре раза, а деление сосуда на четыре части подчеркивалось нанесением на его дно крестообразного рисунка.

Кроме формально чисто геометрических фризов на сосудах встречаются чередующиеся со ступенчатыми крестами фигуры козлов и схематизированного животного, по-видимому, хищника. Фигура козла в соответствии с преобладающим орнаментальным стилем могла геометризироваться, а его живот приобретал форму полукреста – элемента обрамляющих треугольников. Такие композиции и тенденция трансформации орнаментов в эпоху ранней бронзы позволяют предполагать, что центральные крестообразные фигуры символически передавали мифическое дерево со всеми смысловыми коннотациями этого емкого образа. В связи с этим упомянем слова замечательного исследователя традиционной культуры С.В. Иванова: «...в определенных исторических условиях орнамент не только мог, но и в действительности выполнял изобразительную роль, даже в тех случаях, когда состоял из одних лишь геометрических узоров»⁸.

Орнаментальные мотивы керамических сосудов эпохи позднего энеолита имеют немало аналогий в поселениях Ирана IV тыс. до н.э. В Тали Бакуне А известны крестообразные и ромбические фигуры в обрамлении полукрестов, в том числе ступенчатых, вертикальных зигзагов, растений. Подобные мотивы обнаружены на сосудах Сиалка III, где есть многофигурные композиции, включающие наряду с ними изображения козлов и змей⁹.

⁸Иванов 1963, 6.

⁹Антонова 1981, 11.

В пору позднего энеолита возрастает как количество, так и разнообразие антропоморфных статуэток. И сейчас они представлены в основном фрагментами. Преобладают фигурки женских существ в сидячей позе с широкими плечами и опущенными руками, но зафиксированы и мужские. Они не тяжеловесны, как предшествующие, их пропорции отличаются изяществом (рис. 1, 3). Детали фигуры и дополнительные элементы (глаза и брови, рот, признак пола, ожерелья, а также полосы на плечах и ногах, фигуры козлов и схематичные – хищников) теперь нарисованы не только темной краской. Прически из завитков и косы, бороды у мужских фигурок и признак пола у женских, ожерелья и круглые «лепешечки» на плечах налепляли из глины. «Лепешечки» в верхней части фигуры, судя по экземпляру с множеством натуралистично вылепленных грудей, изображали их; известна одна статуэтка с налипной фигуркой ребенка¹⁰.

Помимо «натуралистичных» обнаружено много условных фигурок – сидячих, вылепленных по схеме «голова – бедра – ноги» и стоячих «фишкообразных». Они, особенно фишкообразные, сделанные часто из необожженной глины, предназначались для не всегда ясных целей, вероятно, кратковременных обрядов.

В комплексе статуэток позднего энеолита особняком стоят мужские фигурки, детали которых выполнены рельефом – лица с огромными глазами, бородами, в шлемообразных головных уборах. Отмечалось, что эти необычные фигурки имеют сходство с изображениями воинов (но не мелкими статуарными) в Месопотамии (раннединастическое время) и Юго-Западном Иране. Кроме того, целый ряд признаков статуэток позднего энеолита – пропорции, поза, форма рук и т.д. обнаруживают сходство с более ранними фигурками убейдской культуры¹¹. Объяснение этих сходств вызывает трудности из-за несовпадения времени их бытования на юге Туркменистана, в Месопотамии и Иране. Вероятно, это связано с недостаточной исследованностью памятников регионов, разделяющих эти области. Тем не менее сам факт существования этих сходств, как и аналогии орнаментальных мотивов, очень знаменательны.

Материалы анауской культуры позднего энеолита свидетельствуют об отдаленных связях, отсутствии совершенной замкнутости общин, обитавших на «периферии» формировавшегося «центра», стремительно двигавшегося к становлению древнейших государств. Обнаруживается сходство «геоксюрских» орнаментальных мотивов, форм мелкой пластики и т.д. с найденными на территории Южного Таджикистана, Систана и в более отдаленных местах, чему посвящено немало исследований. Рассматривая проблему генезиса круга культур этого региона периода бронзы, в том числе БМАК, исследователи предполагают, что его корни восходят к комплексам эпохи Намазга III. К этому времени относится так называемая «урукская экспансия», исходящая из Месопотамии, начинает формироваться цивилизация долины Инда¹². Видимо, правы исследователи, полагающие, что в обширном регионе складывается общность постоянно контактирующих групп. При этом доноры и восприимчивики культурных явлений менялись местами и процесс был обоюдным. Можно полагать, что уже в это время условные «анаусцы» имели возможность воспринимать (и, вероятно, передавать другим) элементы культуры, в том числе визуальные знаки, служившие для воплощения образа мира.

¹⁰ Антонова 1977, табл. LXXI.

¹¹ Антонова 1977, 72–75.

¹² Антонова 1996.

Помимо упоминавшейся фрагментарности статуэток их исследование затруднялось до недавнего времени неясностью их нахождения в культурном слое. Обычно отмечалось, что они происходят вообще из слоя, и лишь единицы были найдены в массиве очагов, в погребениях или около них¹³. Недавние раскопки крупного энеолитического поселения Илгынлы-депе неподалеку от знаменитого Алтын-депе показали, что такая неопределенность контекста по крайней мере отчасти – результат несовершенства методов раскопок.

На Илгынлы не только хорошо сохранились, но были тщательно исследованы постройки со всем их содержимым¹⁴. Удалось выяснить, что почти в каждом домохозяйстве находились помещения, в которых отправляли обряды. В них были окрашенные стены и полы, настенные изображения обрядового характера (крайне условные фигуры змей, козлов, голова быка), глиняные скамьи и «стулья», крупные сосуды для хранения. В таких помещениях у входа находились глиняные короба – «тумбы» с различным наполнением, среди которого были фрагменты статуэток. Перед ритуальным разрушением таких помещений совершались действия, следы которых сохранились. Так, на полу одного из них обнаружен культовый диск с сосудом на нем, перед ним – две схематические фишкообразные фигурки и расписная миска. В ходе разрушения «парадных» помещений снимали и помещали внизу штукатурку, разбивали каменные антропоморфные изображения, оставляли на полу различные вещи, в том числе безусловно ценные медные. Затем их сжигали.

Культурные контексты, обнаруженные в Илгынлы, показывают, что характерная черта анауских статуэток энеолитического времени – их фрагментарность – не была случайной. Количество целых возрастает в более позднюю эпоху бронзы, когда их помещали в погребения. Вероятно, разбивание статуэток, как и уничтожение «парадных помещений» было ритуальным. Здесь мы сталкиваемся с очень важным для архаических культур свидетельством представлений о разрушении, смерти, как необходимом условии продолжения существования. Без ухода одряхлевшей жизни нет нового рождения.

Комплекс фигурок Илгынлы-депе в целом характерен для позднего энеолита. Фигурки условны; установлено, что лишь десятая часть обнаруженных были сидящими. Рисованные мотивы немногочисленны. Среди них – условные, которые Н.Ф. Соловьева предлагает считать передающими не дерево, а скорее злаки. Ясно, что статуэтки и стоящие за ними образы были полноправными участниками обрядовых действий, свидетельства которых необычайно полно сохранились. Облик самих статуэток дает лишь скудные указания на это, поэтому нельзя не одобрить осторожность, с которой Н.Ф. Соловьева приходит к заключению: «Вероятно, существовали разные женские мифические персонажи, главным из которых могла быть прародительница/первопредок, роль которой исполняли каменные статуи. Глиняные статуэтки, возможно, были участницами календарных обрядов. Статуэтки с рисунками животных на бедрах могли быть связаны с образами дикой природы. Указания на проведение ритуалов, маркирующих этапы жизни каждого человека и регулирующих его отношения с общиной, можно найти в статуэтках, изображающих персонажей разного возраста, бесполок статуэтках и схематичных стоячих фигурках. Глиняные фигурки могли быть и изображениями умерших родственников»¹⁵. Такая интерпретация основана на представлении о доминирующей

¹³ Антонова 1990, 150, 152–153.

¹⁴ Соловьева 2005.

¹⁵ Соловьева 2005, 30–31.

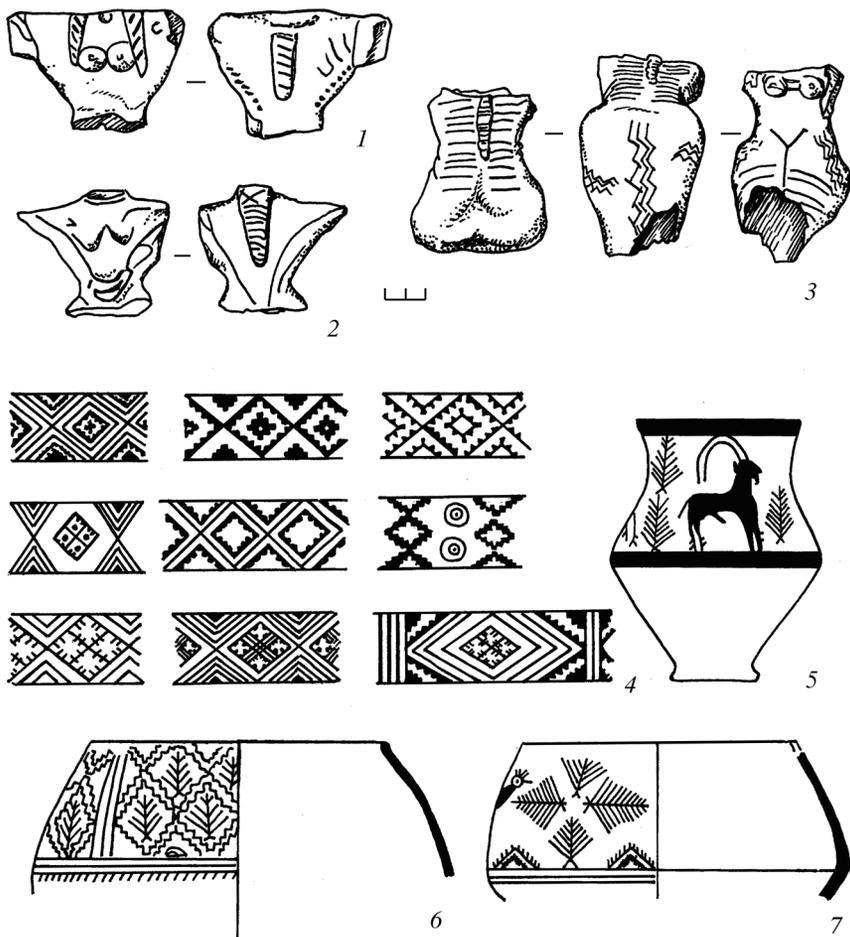

Рис. 2. Анауская культура. 1–3 – скульптура; 4–7 – орнаменты на сосудах эпохи ранней бронзы (НМЗ IV)

роли в коллективах семейных и родовых связей и еще раз отрицает существование вечного независимо от времени и пространства образа «богини-матери», все еще бытующего не только в сочинениях непрофессионалов, но и историков. Еще относительно недавно В.М. Массон писал: «...терракотовые женские статуэтки среднеазиатского энеолита являются культовыми объектами, своего рода идолами, воспроизводящими образ женского божества, покровительницы плодородия, богини-матери. Не исключено, что началась дифференциация этого полиморфического образа...»¹⁶. Сейчас к интерпретации значения и назначения фигурок подходят иначе.

Эпоха ранней бронзы (Намазга IV), предстает как переходное время, когда бытуют старые традиции и одновременно усиливаются прежде слабо выраженные тенденции. Примечательны фигурки беременной женщины (рис. 2, 2) и мужчин в явно возбужденном состоянии¹⁷. Признаком этого времени – завершение долгого периода изготовления лепной расписной посуды, распространение гончарного круга.

¹⁶ Массон 1982, 61.

¹⁷ Массон, Сарияниди 1973, 20.

С распространением круговой керамики орнамент сначала становится более дробным, «ковровым», и постепенно исчезает (рис. 2, 4–7). В то же время растет разнообразие форм сосудов. Среди орнаментальных мотивов – ромбические, крестообразные встречаются относительно редко, но зафиксированы изображения деревьев, заключенных в уступчато-ромбическую сетку. В раппорте на периферии изображаются треугольники – половинные варианты ромбов. Известно изображение четырех вписанных в ромб деревьев, около которых сохранилась часть фигуры птицы. Есть и изображения козлов у дерева.

Таким образом, в орнаментике ранней бронзы вновь появляются изображения деревьев, характерные для периодов Намазга I и II, место которых в позднем энеолите заняли кресты и ромбы. На одном фрагменте сосуда времени Намазга IV деревья расположены крестообразно, при этом одно из них обрамлено треугольниками (рис. 2, 7). Возвращение к «натуроподобным» изображениям деревьев позволяет предположить, что и в пору Намазга III оно также передавалось, но в условном виде. Поскольку его место – в центре композиций, правомерно думать, что фигуры, сочетающие мотивы креста и ромба, представляли образ дерева. Использование фигуры, внешне имеющей мало общего с реальным растением, еще раз свидетельствует о символичности знаков в искусстве ранних земледельцев, передаче в них не столько внешнего сходства, сколько некоего концепта в образе мира.

Статуэтки периода средней бронзы (НМЗ V) разительным образом отличаются от энеолитических и раннебронзовых (рис. 1, 1–3). Здесь уместно обратить внимание на глубокое стилистическое, формальное и знаковое сходство, или символическое единство керамических сосудов и антропоморфных изображений. Энеолитические сосуды в основном низкие, приземистые; синхронные им фигурки массивны, тяжелы, их поза в основном сидячая. В образе мира, с которым они символически соотносятся, акцентируются сферы низа, земли. И сидячая поза предполагает то же – пребывание на одном месте, в поселении, доме.

Эти заключения могли бы расцениваться как произвольные, если бы не сведения о глиняных фигурках и гончарных сосудах эпохи средней бронзы. Статуэтки женских (редко – мужских) персонажей совершенно плоские. Особенно примечательно, что они подчеркнута вытянуты вверх. Голова на высокой шее увенчана прической. Нос резко выделен. Руки разведены в стороны, бедра подчеркнуты, а нижняя часть, слабо отогнутая, почти полностью занята треугольником, заполненным углубленными точками или короткими штрихами (рис. 3, 1–4). Тело крестообразное, переходы между частями резкие, угловатые. Рудименты ног явно указывают

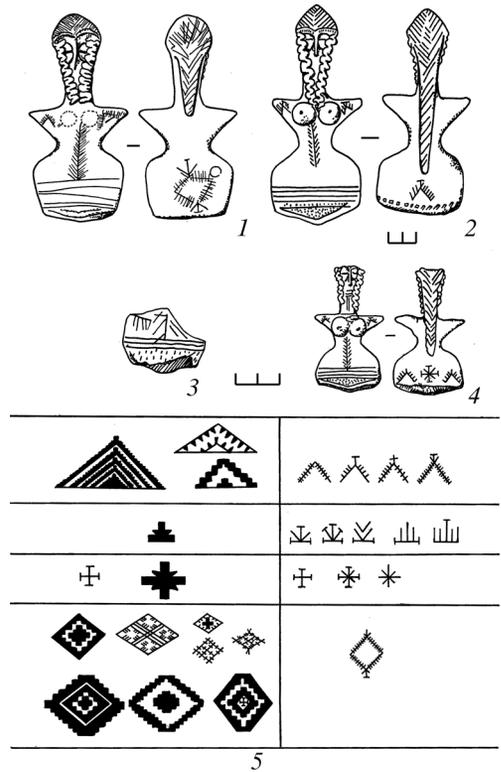

Рис. 3. Анауская культура. 1–4 – скульптура периода НМЗ V; 5 – орнаменты на сосудах НМЗ IV (слева) и знаки на статуэтках НМЗ V (справа)

на происхождение от фигурок в сидячей позе. На смену окрашенным деталям пришли прочерченные по сырой глине и рельефные наlepные. Двумя полукружками показаны крупные миндалевидные глаза. Отдельно налепляли груди, фаллос у мужских фигурок, детали прически (коса на спине, две спускающиеся на грудь пряди).

На плоскую поверхность фигурок спереди и сзади по сырой глине наносили изображения и пояса, а также «деревья» и условные «знаки». Дерево изображалось в основном спереди как бы вырастающим из прочерченных горизонтальных линий (пояса) или признака пола. Иногда оно занимало всю поверхность фигурки, а на плечах изображались «ветви». Коса на спине также трактовалась как растение; штрихи, показывающие прическу или головной убор, имели цель подчеркнуть тождество антропоморфного образа и растения.

Нельзя исключать возможности сложения антропоморфного образа с растительными элементами под влиянием изобразительной традиции Месопотамии. Здесь в конце раннединастического периода и в аккадское время на печатях появляются изображения божеств. Среди них – персонажи с растущими из тела колосьями или иными растениями. Прежде на печатях и других ритуальных вещах фигурировали люди, участники действий, божества же представлены символами. Облик знаков, их сочетания на анауских статуэтках позволяют думать, что они принадлежат более архаичной стадии. Они передают не отдельные элементы образа мира, а вместе с антропоморфным существом представляют его как целое (см. ниже).

Дерево занимает центральное положение, однако на его месте могли изображаться восьмиконечная звезда и крест с перечеркнутыми концами. Сзади в центре изображался ромб или его половинный вариант – углообразная фигура, одна или четыре восьмиконечные звезды. Кроме этих центральных «знаков» на плечи наносили их несколько измененные половинные изображения. Боковые знаки зеркально симметричны. Таким образом создается трехчастная композиция с выделенным центром.

Генезис «знаков» убедительно реконструирован: они восходят к орнаментальным мотивам сосудов энеолита и ранней бронзы¹⁸. Движение во времени от орнаментальных мотивов на сосудах к «знакам» на статуэтках и обратно, т.е. диахронический анализ, позволяет прийти к существенным выводам. Носители анауской культуры представляли себе мир в виде четырехконечной фигуры, сопряженной с образом дерева. В энеолите в виде крестообразной фигуры акцентировалась его горизонтальная плоскость, что не исключало и вертикальной; эта фигура ассоциировалась с растением. Указание на это – изображение около креста и его модификаций постоянного спутника дерева – козла. Сохранилось фрагментарное, но от этого не менее замечательное изображение условно переданного козла у дерева на статуэтке (рис. 3, 3). Таким образом, путем различных изобразительных мотивов реализовался мифологизированный образ мира.

Трактовка человеческого тела в статуарных образах обнаруживает сходство с сосудами этого времени. Они лишены орнамента, но их формы чрезвычайно разнообразны. В целом их комплекс характеризуется вытянутыми по горизонтали ребристыми формами, делением на горловину и тулово. Их силуэты похожи на силуэты статуэток. Исследование пропорций статуэток и сосудов (особенно явно их некоторых типов) показало, что они строились по единой схеме¹⁹.

То же стилистическое сходство, как уже говорилось, обнаруживается между энеолитическими статуэтками и сосудами. Те и другие имеют в основном призе-

¹⁸ Массон, Сарияниди 1973; Антонова 1981.

¹⁹ Антонова 1986, 44.

мистые очертания, т.е. тяготеют к горизонтали; есть сходство между орнаментальными мотивами и изображениями на фигурках.

Итак, в ходе синхронного и диахронного анализа археологических памятников удается проследить близость формы и содержательной стороны вещей-знаков нескольких групп. Это сосуды, антропоморфные изображения и орнаменты, которые имели не только и не столько декоративное, сколько знаковое наполнение. Все они своими средствами передают образ мира. Связь между обозначением и обозначающим относительно коротка и прозрачна. Образ мира передается в одном контексте различными средствами – формой сосуда и орнаментами, формой статуэток и наносившимися на них изображениями, т.е. информация о нем избыточна. Это неслучайно: многократность тиражирования сообщения служила гарантией правильности ее восприятия. В то же время каждая группа этих вещественных знаков обладала присущим ей кругом значений. Их использование в ритуалах и образные ассоциации присущими им средствами высвечивали разные стороны образа мира. Ситуации их применения, определяемые ритуалами, были различными. В то же время они принадлежали к одному семантическому полю, в котором определяющую роль играли концепты равновесия, плодородия.

Указывают ли «знаки» на статуэтках на функцию персонажей, которых они изображали? В.М. Массон и В.И. Сарияниди предполагали, что при помощи «знака зигзага» передавали образ богини или духа воды, растения – зерна и растительности, звезды – богини неба. Они писали о «женском пантеоне» эпохи поздней бронзы, приводя в качестве аналогий божеств от шумерских до греческих²⁰. Представляется, что приблизиться к решению этого вопроса невозможно без учета социальной структуры сообществ того времени, того социального контекста, в котором реализовались значения этих образов.

Намазга V – время существования наряду с небольшими крупными по тем временам селений типа Алтын-депе и Намазга-депе. Однако это не города, и признаков совершения в них «городской революции» нет. Институт религии явно не сформировался. Ю.Е. Березкин полагает, что в обществе отсутствуют жрецы-специалисты, в ритуалах важную роль продолжают играть женщины. Подчеркнем, что статуэтки систематически встречаются в погребениях, как женских, так и мужских (с этим связано относительно большое количество целых экземпляров). «Премущественность в области ритуала от энеолита к эпохе бронзы заставляет думать, что и к концу III тыс. до н.э. религия обитателей подгорной полосы Копет-Дага оставалась на уровне религии предков»²¹. Он справедливо заключает, что из анализа иконографии фигурок «в принципе невозможно извлечь информацию касательно того, изображали ли здесь древние земледельцы Туркмении одного, двух или несколько мифологических персонажей из своего пантеона». Принципиально важно замечание: «Изобразительный код, посредством которого происходит объективация мифологических представлений, соотносится непосредственно только с самими этими представлениями и лишь через них – со словесным кодом, к которому имеет отношение такой признак божества, как его имя. Что же касается представлений, то в них божества не рассматриваются как дискретные единицы – они различаются или оказываются тождественными лишь в той мере, в какой различаются или совпадают их функции»²².

²⁰ Массон, Сарияниди 1973, 97, 121 сл.

²¹ Березкин 1994, 34.

²² Березкин 1981, 21.

Такой подход к интерпретации статуэток эпохи Намазга V не отрицает признака их существенного отличия от предшествующих. Они гораздо более стандартны, чем энеолитические и раннебронзовые. Если создателями последних были, по-видимому, лепщики (скорее – лепщицы) сосудов, то теперь их делали скорее всего профессиональные гончары. (К сожалению, их пол остается неизвестным, но вряд ли это были женщины.) Это знаки, план выражения которых предстает как более развернутый, чем прежде. Если признать, что для их создания использовали «знаковый ресурс» предшествующих эпох, придется констатировать, что теперь он применяется более осознанно. Статуэтки с нанесенными на них знаками представляют в конечном счете космограмму. Характер оформления признаков пола как женских, так и мужских, их преувеличенность позволяют предположить, что они принадлежат полю значений повсеместно распространенного в земледельческой среде обряда «священного брака», одного из самых важных в обрядовом цикле создателей цивилизации в Месопотамии.

В конце III тыс. до н.э. на карте поселений юга Туркменистана происходят важные перемены. Сокращается площадь крупных «протогородских» селений, приходят в запустение мелкие. Такими изменениями охвачены большие территории Среднего Востока, что, вероятно, является следствием наступления ксеротермического периода. Из-за иссушения климата люди вынуждены осваивать долины крупных рек или переходить к новым формам хозяйства. Так возникает «цивилизация Окса», или «Бактрийско-Маргианский археологический комплекс» конца III – первой половины II тыс. до н.э., отчасти синхронный эпохе позднего Намазга V и VI подгорной полосы.

Феномен БМАК продолжает привлекать внимание исследователей благодаря новым находкам в исторической Маргиане, в первую очередь проводящимся по сей день раскопкам на Гонур-депе. Хотя в датировке и истоках этой обширной исторической общности остается много неясного, множество фактов говорит в пользу значимости местного, южнотуркменистанского компонента. Значимыми являются материалы керамического производства: «...керамическое производство Маргианы и Бактрии явилось результатом развития комплекса времени Намазга V, и участие населения этого региона в формировании культуры Бактрийско-маргианского комплекса не вызывает никаких сомнений, хотя и не снимает всей сложности проблемы происхождения цивилизации в целом и ее широкого территориального распространения...»²³.

Вещественные остатки свидетельствуют о существовании хорошо организованного ирригационного земледелия, скотоводства (симптоматично разведение столь важных для отдаленных перемещений верблюдов), ремесла и торговли. Сложность социальной структуры не вызывает сомнений. Война стала постоянным явлением. В погребениях представителей верхнего слоя помимо богатого сопровождающего инвентаря, в том числе из драгоценных металлов, обнаружены останки специально умерщвленных людей. Такие жертвоприношения совершались и при публичных обрядах, по особым, очевидно важным, случаям. В захоронениях элиты находят оружие, в том числе по форме импортное, церемониальное.

На крупных поселениях обнаружены обнесенные стенами комплексы ритуальных сооружений – «храмов» и предполагаемые «дворцы» лиц, регулировавших жизнь многочисленных сообществ. Обособляющаяся элита нуждается в знаках отличия, соответствующих ее месту и роли в общественной жизни. Ее представители регулировали сферу производства продуктов питания, ремесленного производства,

²³ Пьянкова 1994, 139–140.

торговли, были гарантами безопасности. Все это освящалось различными ритуалами и соответствующими им религиозно-мифологическими представлениями.

На протяжении времени существования БМАК в жизни обитателей Западной и Центральной Азии происходили значительные события. Войны между старыми государствами и возникновение новых с их потребностями в связях с соседями, возникновение торговых колоний, перемещения этнических групп и приобщение прежде бесписьменных племен к стандартам цивилизации, – это было динамичное время. Не удивительно, что вещественные остатки «цивилизации Окса» обнаруживают признаки знакомства и усвоения явлений разных культур, носители которых обитали на территории от Восточного Средиземноморья до долины Инда, от северных степей до южных областей Ирана. Как всегда, в контактах большую роль играла элита. Тем не менее, о чем свидетельствует керамическое производство, пласт старых традиций сохранялся, хотя претерпевал глубокие изменения. О том же свидетельствует чрезвычайно развившийся в недрах БМАК комплекс печатей-амулетов.

Древнейшие образцы печатей-амулетов относятся ко времени Намазга III; они аналогичны орнаментам на сосудах – крестообразным фигурам и их вариантам. Медно-бронзовые печати из погребений эпохи средней бронзы с этого поселения почти на четверть имеют крестообразную форму (известны также зооморфные)²⁴.

Многочисленны печати-амулеты БМАК – металлические и отчасти каменные. Изданный в 1998 г. В.И. Сарияниди каталог содержит около 1800 образцов, большая часть которых (около 1500) происходит из грабительских раскопок на севере Афганистана, остальные, имеющие определенное происхождение, найдены в Маргиане²⁵. Со времени публикации каталога число маргианских возросло, однако общий облик комплекса продолжает оставаться прежним.

Печати-амулеты БМАК по разнообразию их форм и изобразительных мотивов наряду с гораздо более редкими изображениями на сосудах и других вещах предоставляют возможность реконструировать образ мира носителей этой культуры. По степени содержащейся в них информации они могут быть сравнены с той, что дают цилиндрические печати Месопотамии для понимания культуры ее обитателей. Здесь – изображения реальных и фантастических животных, змей и драконов, львов и грифонов, верблюдов и козлов, хищных и иных птиц, антропоморфных мифических существ, крылатых и властвующих над подчиненными им животными, различных растений. Одиночные и составляющие композиции, они указывают на строение мира и соотношение его частей. Известны условно переданные сцены ритуальных действий, в которых фигурируют различные, в том числе антропоморфные персонажи.

В образах глиптики и сфрагистики визуализируется мир, прежде скрывавшийся за условными орнаментоподобными знаками и схематичными образами антропоморфной пластики. Только теперь появляются композиции, указывающие на участников ритуальных действий и их цели, т.е. то, что прежде не считалось необходимым изображать, что принадлежало иной сфере реально отправляющихся обрядов и циркулирующих в культуре словесных текстов.

В.И. Сарияниди²⁶ обращает внимание на то, что штампы в большинстве имеют форму круга или фигур, в него вписывающихся (таковы многолучевые розетки и фигуративные изображения птиц, животных, растений) (рис. 4). Ободок имеет вид

²⁴ Хронология 2005, 410.

²⁵ Sarianidi 1998.

²⁶ Sarianidi 1998, 23.

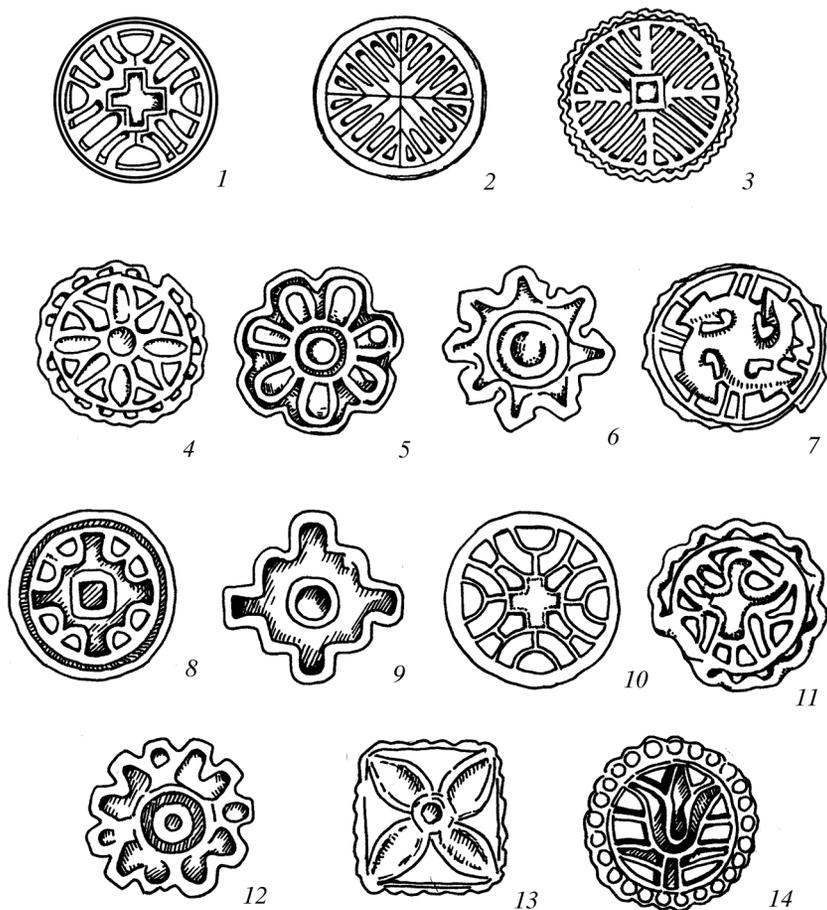

Рис. 4. Металлические печати БМАК: 1–7 – Бактрия; 8–14 – Маргиана

бортика, оформленного различным образом, в том числе жгутовидных очертаний. Семантике этого мотива была посвящена работа, в которой проводился анализ синхронно существовавших вариантов и предлагалась сводка возможных связанных с ним мотивов из регионов к западу от БМАК²⁷. Экземпляры прямоугольных очертаний не столь распространены; они, как и имеющие форму ступенчатого креста или ромба, каменные, несут изображения с двух сторон. Каменные цилиндрические печати с композициями из фигур сверхъестественных существ разного облика, животных, растений и т.д., несмотря на их немногочисленность и трудности распознавания помещенных на них фигур и «дешифровки» сюжетов, в первую очередь привлекают внимание исследователей. Для данной работы представляют интерес не такие уникальные образцы, а массовый материал.

В кольцевидном ободке или без него изображались центрические фигуры с разным числом элементов, от трех до девяти. Особенно распространены фигуры с четырьмя и восемью элементами, десять и более встречаются редко. Примечательна ступенчатость сторон крестообразных фигур – особенность, продолжаю-

²⁷ Антонова 2005.

шая старую энеолитическую традицию орнаментальных мотивов. Четырехчастная крестообразная фигура имеет дополнительные различным образом размещенные лучи, заполняющие все поле и придающее ей вид разнонаправленного дерева, также напоминающего орнаментальные мотивы анауской культуры (рис. 4). При сопоставлении вариантов геометрических фигур обнаруживается некоторая тенденция. Их лучи теряют угловатость, приобретая сходство с цветочными розетками. Это сходство усиливается помещением в центре кружком, но встречаются и рудименты, центральные квадраты или ромбы, указывающие на генезис мотива в энеолитической орнаментике. В ряде случаев удается проследить трансформацию ступенчатого ромба в подобие восьмилучевой розетки (здесь и далее указываются номера образцов по указанному каталогу В.И. Сарияниди; в данном случае это № 475–483). Очертания печатей могут приобретать петлистый вид, также придающий им сходство с растительной розеткой.

Прежде образ мира на вещах передавался условно, символическими, отчасти иконическими и наверняка индексальными знаками – крестообразными фигурами, перетекавшими в образы растения и/или антропоморфного существа. Теперь становятся актуальными знаки, передающие отдельные моменты в жизни мира. Усложнение социальной жизни, осознание неоднородности социума идет рука об руку с дифференциацией образа мира, акцента отдельных составляющих его временных отрезков, пространственных зон и т.д. В.И. Сарияниди обратил внимание на частоту изображений на каменных амулетах Бактрии и Маргианы различных распознаваемых растений, чего (с точки зрения современного исследователя) не могло быть прежде. Среди них – хвойный кустарник, мак или тюльпан, эфедра. Мак и эфедра, как и нераспознанная среди изображений конопля, могли использоваться для приготовления необходимых в ритуалах галлюциногенных напитков²⁸.

Приведем несколько примеров изображений растений в композициях на безусловно принадлежащих БМАК (в отличие от беспаспортных бактрийских) печатях-амулетах из Маргианы. Изображения на двух сторонах плоских образцов рассматриваются как взаимодополняющие.

Стилизованный мак встречается в сочетании с вихревой розеткой (1662, 1666), четырех- и восьмилучевой розетками (1663, 1665), фантастическим животным и крылатым драконом (1671, 1715?), птицей, каким-то другим растением и скорпионом (1659).

Неидентифицированное ветвистое растение с кружком на вершине изображено между козлами, за одним из которых – змея; на другой стороне – чудовище, нападающее (?) на человека (1621). Мако- и тюльпанообразные растения изображены на цилиндрической печати из погребения на некрополе Гонура (1786). Центральное положение в композиции занимает фигура сидящей женщины с поднимающимися из тела и головы растениями. Перед ней – козел и лиса (?), под ней – змея (рис. 5, 3). Аналогична композиция на цилиндре из погребения в Шахдаде (Иран) (рис. 5, 4).

Ветвистые растения встречаются в композициях с различными животными, в том числе тигром со змеей под животом (1642), птицей (1656), птичеловоком, козлом и тигром (1618). На поверхностях трехгранной пирамидки изображено стоящее на горе дерево, по сторонам – поднимающиеся змеи (1781).

Какими бы ни были отношения между отдельными изображениями в таких композициях, их облик позволяет думать, что они должны были передавать образы ритуалов и обрядовых действий, связанных с поворотными моментами в жизни

²⁸ Sarianidi 1998, 45.

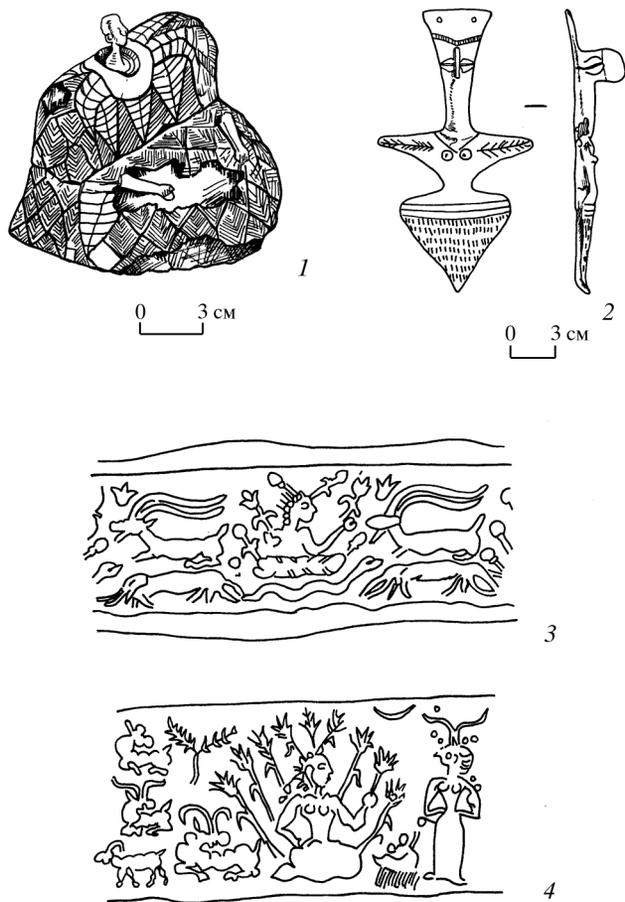

Рис. 5. Бактрийско-маргианский археологический комплекс.
 1–2 – скульптура из погребений Гонура. Изображения на цилиндрических печатях;
 3 – Гонур Депе, 4 – Шахдад

природы. Эти изображения – визуальные реализации ритуалов, направленных на продолжение существования плодоносных сил мира.

Анализ печатей с геометрическими мотивами и сопоставление их с планировкой архитектурных сооружений этого времени показывает, насколько актуальным в обрядовой жизни были геометризованные фигуры, определяющие основы образа мира, – круг, квадрат, крестообразные мотивы. Сохранившиеся материальные свидетельства указывают на то, что соответствующие им конфигурации выражались в словесных и действенных текстах, естественно, не находивших визуальной фиксации. Круг, квадрат, крест – эти три фигуры показывают актуальность не только горизонтали, но и вертикали в образе мира.

Вертикальность структуры мира передавалась еще в эпоху ранней и развитой бронзы в крестообразных орнаментальных мотивах, изображениях дерева и антропоморфных стоящих статуэтках крестообразной формы. А.П. Франкфор обратил внимание на то, что «цивилизация Окса» систематически добавляет на печатях измерение, которое можно назвать вертикальным²⁹. Распространены дву-

²⁹ Франкфор 1997, 67.

сторонние изображения. Медные печати могли служить навершиями вертикально ориентированных булавок. На некоторых цилиндрических печатях изображения наносились и на торце. Наконец, найден великолепный каменный амулет в виде фигурки верблюда с резными мотивами на оборотной стороне и основании. Все это отличает, отмечает он, эти печати от характерных для долины Инда, Месопотамии и Персидского залива (добавим, и Сиро-Анатолии).

На актуальность вертикального измерения указывают и фигуры многочисленных крылатых существ. Это антропоморфные божества мужского и женского пола, представители животного мира, причем не только птицы, но и верблюды, зайцы, змеи, грифоподобные. Мотив подвижности в пространстве и времени передается также и геометрическими мотивами – свастиками, вихревыми розетками, составленными из змей, козлов, растений, лишенными статики жгутовидными элементами. Исследования изобразительных памятников близкой БМАК в хронологическом и культурно-историческом плане хараппской цивилизации показывают, что посредством образов животных и растений здесь обозначались отрезки времени, возраст и статус человека, определялись границы сезонов, начало сельскохозяйственных работ, а также образы божеств, имеющих отношение к плодородию, покровителей года и временных циклов, созвездия и отдельные небесные светила³⁰.

Обратимся к антропоморфной пластике БМАК, претерпевшей по сравнению с предшествующей существенные изменения.

Замечательная фигурка была найдена в одном из богатых, но ограбленных в древности погребений Гонура³¹. Это фрагментированное небольшое изображение стоящей женщины в конусообразной юбке, сделанной из натянутой на деревянную основу золотой фольги, орнаментированной рядами «язычков». Руки ее, как полагают, были сложены на животе. Они, как и голова, золотые. На ее теле на бронзовых стержнях закреплены шесть гипсовых пшеничных колоса с бронзовыми остями. Вероятно, из основания поднимались и два гипсовых удлинённых растения или плода, подобные которым были найдены и в нескольких других погребениях. Завершая описание, Н.А. Дубова предполагает, что фигурка могла изображать богиню растительности.

Поза и местонахождение фигурки дают основания для предположения, что здесь мы имеем то же, что в более раннее время, когда в могилы клали глиняные статуэтки с изображениями растений. Немногочисленные фигурки – упрощенные наследницы предшествующих – продолжали и сейчас сопровождать умерших (рис. 5, 2).

Среди материалов разграбленных могильников Северного Афганистана есть группа небольших, от 10 до 20 см, каменных статуэток сидящих женщин. Они вырезаны из темного стеатита, головки и сложенные на уровне живота руки вырезаны из мраморовидного камня. Все тело окутано одеянием, покрытым резными «язычками». Эта одежда восходит к месопотамской, столь популярным в околomesопотамском мире каунакесам. «Язычки» имитируют нашитые на основу кусочки ткани, чтобы имитировать овечью шерсть. Позже такие фигурки были найдены в погребениях на Гонуре (рис. 5, 1), как и их имитации из глины и гипса. Фрагменты их обнаружены и при раскопках «дворца» и «теменоса»³².

По мнению П. Амье, такие статуэтки воспроизводили скульптуры эламских цариц, известных по изображениям на цилиндрах из Суз и Аншана периода царей Симашки и первых суккальмахов (первые века II тыс. до н.э.). Он полагал, что

³⁰ Альбедиль 1994, 222 сл.; Волчок 1972, 293–298.

³¹ Дубова 2004, 272–273.

³² Сариниди 2001, 50.

если такие скульптурные изображения в Эламе и Месопотамии изображали адорантов и предназначались для храмов, то в Бактрии их помещали в погребения³³. Не известные тогда маститому исследователю находки на Гонуре указывают на то, что они могли находиться не только в погребениях.

Изображения подобных персонажей обнаружены сейчас на печатях Маргианы и Ирана (см. выше). Прежде такие изображения на печатях были известны на востоке Ирана в Шахдаде (рис. 5, 4) и Тепе Яхья. П. Амье был склонен считать эти персонажи божествами растительности и сближал их, в отличие от других исследователей, скорее с эламскими, чем месопотамскими образцами³⁴. Многофигурные изображения на печатях демонстрируют принадлежность женских божеств растительному миру, хтонике – на это указывает змея и, возможно, их сидячая поза. П. Амье относил цивилизацию Бактрии к трансэламским, находящимся за пределами Элама и испытывавших его влияния. Заметив, что и в Эламе, и в трансэламском регионе в III тыс. до н.э. большую роль играли женские божества, он, однако, отмечал, что позже, в эпоху суккальмахов, в эламском пантеоне боги начинают играть главенствующую роль³⁵. Такие перемены в пантеоне напоминают ситуацию, которая обнаруживается в глиптике БМАК: здесь достаточно многочисленны изображения антропоморфных существ мужского пола с крыльями, с головами хищных птиц и подчиненными им фантастическими животными. Эти изображения не дают возможности говорить о доминировании в мифологических представлениях персонажей женского пола.

Итак, новые данные позволяют более полно, чем это было прежде, представить трансформацию представлений о мифологических покровителях носителей анауской культуры и связанного с ней Бактрийско-маргианского археологического комплекса, т.е. на протяжении энеолита и бронзового века. Как можно их определить? Были это могущественные божества, обитатели запредельного мира, или духи, семейно-родовые покровители, «матери» и «отцы»? Представляется, что основой для выводов может служить реконструируемый социальный контекст. Энеолит – время существования небольших коллективов. Отношения между их членами определялись родством. Соответственно, их покровителями были мифологизированные предки. Их отделение от мира живых делало их особыми существами, причастными «не нашему» миру. Однако из всех существ этого мира они были самыми близкими людям. К земле, воде, небу и его светилам, растениям и т.д. относились непосредственно, не делая их изображений. Антропоморфизация божеств, как показывает религия Месопотамии – явление относительно позднее. Изображения на печатях свидетельствуют, что такой способ визуализации их образов появился через много столетий после сложения государств, систематически – около середины III тыс. до н.э. Из этого, однако, не следует, что и до того вербально они определялись как человекоподобные существа.

Формирование сложных общественных структур в период существования «цивилизации Окса», сложение власти как института было сопряжено с усложнением образа мира. Однако традиционное сознание инерционно. Возможно, поэтому покровители продолжают выступать в облики реальных женщин высокого ранга, облаченных в одежду, отчасти напоминающую чужеземный каунакес, знак высокого статуса. Но изображения крылатых антропоморфных существ сигнализируют о существовании представлений о божествах. Представители верхнего слоя без-

³³ Amiet 1986, 200.

³⁴ Amiet 1986, 167.

³⁵ Амье 1997, 101.

условно были знакомы не только с вещами, но и с верованиями своих соседей и имели представления об их божествах. Образ мира в дифференцирующемся обществе стал более сложным и многозначным.

Литература

- Альбедиль М.Ф.* 1994: Протоиндийская цивилизация. Очерки культуры. М.
- Амье П.* 1997: Богини и царицы Элама // ВДИ. 1, 97–103.
- Антонова Е.В.* 1977: Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.
- Антонова Е.В.* 1981: Орнаменты на сосудах и знаки на статуэтках анауской культуры (К проблеме значения) // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье / Б.А. Литвинский (ред.). М., 5–21.
- Антонова Е.В.* 1984: Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия / Б.А. Литвинский (ред.). М.
- Антонова Е.В.* 1986: К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока / Б.А. Литвинский (ред.). М., 35–66.
- Антонова Е.В.* 1990: Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.
- Антонова Е.В.* 1996: Контакты Месопотамии с восточными землями в IV–III тыс. до н.э. // Азия – диалог цивилизаций / Б.А. Литвинский, Е.В. Антонова (ред.). СПб., 195–240.
- Антонова Е.В.* 2005: О геометрических фигурах анауской культуры и БМАК / На пути открытия цивилизации. Сб. ст. к 80-летию В.И. Сарияниди. Труды Маргианской археологической экспедиции // П.М. Кожин, М.Ф. Косарев, Н.А. Дубова (ред.). М., 303–312.
- Антонова Е.В.* 2010: Об одном из способов интерпретации смысла знаков дописьменных культур // Проблемы истории и культуры древнего Востока. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Г.М. Бонгард-Левина / Г.Ю. Колганова, А.А. Петрова, А.В. Сафронов (ред.). М., 16–18.
- Антонова Е.В., Раевский Д.С.* 1991: О знаковой сущности вещественных памятников и о способах ее интерпретации // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока / Б.А. Литвинский (ред.). М., 207–232.
- Байбурин А.К.* 1989: Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры / А.С. Мыльников (ред.). Л., 63–88.
- Березкин Ю.Е.* 1981: Женские терракотовые статуэтки с Алтындепе // КСИА. 167. М., 16–23.
- Березкин Ю.Е.* 1994: «Город мастеров» на древневосточной периферии. Планировка поселения и социальная структура Алтын-депе в III тыс. до н.э. // ВДИ. 3, 14–37.
- Волчок Б.Я.* 1972: Протоиндийские божества // Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. II. Proto indica: 1972, 246–304.
- Дубова Н.А.* 2004: Могильник и царский некрополь на берегах Большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. Сб. ст. к 75-летию В.И. Сарияниди / М.Ф. Косарев, П.М. Кожин, Н.А. Дубова (ред.). М., 254–281.
- Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н.* 2002: Др.-инд. *vedi* - : глубинный смысл и этимология. Ритуальные истоки комплекса «знание-рождение» // История и языки древнего Востока. Памяти И.М. Дьяконова. СПб., 72–91.
- Иванов С.В.* 1963: Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока. Тр. Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Н. с. Т. 81. Л.
- Лотман Ю.М.* 1994: Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.
- Массон В.М.* 1982: Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. Археология СССР / В.М. Массон, Н.Я. Мерперт (ред.). СПб., 9–92.
- Массон В.М., Сарияниди В.И.* 1973: Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. М.
- Пьянкова Л.* 1994: Керамика Маргианы и Бактрии эпохи бронзы // Российский этнограф. Этнологический альманах. Антропология. Культурология. Социология. 21 / Ю.Б. Симченко, В.А. Тишков (ред.) М., 135–157.
- Сарияниди В.И.* 2001: Некрополь Гонура и иранское язычество. М.
- Соловьева Н.Ф.* 2005: Антропоморфные изображения и культовые комплексы Южного Туркменистана поры среднего энеолита (по материалам раскопок Илгынылы-депе): Автореф. дис.... канд. ист. наук. СПб.

- Франкфор А.П. 1997: Печати Окса: разнообразие форм и изменяемость функций // ВДИ. 4, 60–68.
Хронология 2005: Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе) // Тр. ИИМК РАН / В.М. Массон, Ю.Е. Березкин (ред.). СПб.
Amient P. 1986: L'âge des échanges inter-iraniens 3500-1700 avant J.-C. P.
Sarianidi Victor 1998: Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. M.

ON INTERPRETATION OF MATERIAL SOURCES: SYNCHRONIC AND DIACHRONIC APPROACH

E. V. Antonova

In this paper, dedicated to the memory of B.A. Litvinsky, the author defends the possibility of combining synchronic and diachronic approach in semiotic study of monuments of preliterate cultures. The object under discussion is the Anau culture and the «Oxos civilization» (BMAC) in Central Asia in the Eneolithic and Bronze Periods (V–II millennium BC), ornaments, anthropomorphous sculpture and glyptics. The accent is put on the ways of transmitting information in societies with simple structure without technical means for communication. Variability of signs in synchronic and diachronic aspects helps to establish the semantics of symbolic signs by means of comparing it with iconic ones. Complication of social structure causes complication of the *Weltbild* and its visual aspect. At the same time, the signs denoting mythic patrons undergo changes. Images of anthropomorphous deities develop and take definite forms under the influence of images used in developed civilizations. The picture of the world begins to be represented not only in symbolic signs, but also in iconic ones.

© 2011 г.

С. Б. Болелов

КАМПЫРТЕПА-ПАНДАХЕОН В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

В статье анализируются результаты раскопок городища Кампыртепа на юге Узбекистана. По материалам, полученным в ходе раскопок, характеризуются особенности планировки, а также облик материальной культуры на ранних этапах жизни памятника. Кампыртепа-Пандахеон, основанный не позднее последней четверти IV до н.э., являлся опорным пунктом на одной из основных переправ через Амударью.

Ключевые слова: Северная Бактрия, эллинизм, Греко-Бактрийское царство, крепость, переправа, жилой комплекс, производственный центр.

Крепость Кампыртепа (другое название Кафыркала) расположена на высокой лёссовой террасе правого берега Амударьи, на территории Сурхандарьинской области Республики Узбекистан, в 30 км к западу от Термеза. Памятник был открыт Э.В. Ртвеладзе в 1972 г. во время археологической реконструкции в Сурхандарьинской области¹.

Болелов Сергей Борисович – кандидат исторических наук, заведующий сектором Истории материальной культуры и древнего искусства народов Центральной Азии Государственного музея Востока.

¹ Ртвеладзе 1974, 74; Алпаткина 2009, 10–12.